

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 180–186

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 180–186

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-180-186>, EDN: KFJHCS

Научная статья

УДК 821.112.2.09-7|653|

Роль образов животных в создании комического эффекта в смеховой литературе средневековой Германии

И. В. Петрушков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Петрушков Илья Владимирович, аспирант, ассистент кафедры романно-германской филологии и переводоведения, petrushkov.ilya@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8136-664X>

Аннотация. В центре внимания статьи находятся особенности использования образов животных в смеховой литературе средневековой Германии. Материалом исследования служат следующие произведения: «Корабль дураков» («Das narren schyff», XV в.) Себастиана Бранта, «Обманутый муж» («Der verkêrte wirt», XIII в.) Герранта фон Вильдони, «Поп Амис» («Der pfaffe Ameis», XIII в.) Штрикера. Проведенный анализ позволяет говорить о том, что в данных произведениях образы животных являются важным элементом их сюжетной и композиционной организации. Наиболее часто средневековые немецкие авторы обращаются к образам собаки, осла, петуха, рыбы и обезьяны. Животные в Средние века считались низшими существами по отношению к человеку и могли восприниматься как помощники дьявола, поэтому их образы часто использовались для аллегорического изображения человеческих пороков и грехов. Зафиксированные в анализируемых произведениях образы животных обладают широким ассоциативным фоном, в котором находят отражение традиции как народной культуры, так и религиозно-церковной. Это объясняется тем, что мировоззрение средневекового человека основывалось на сочетании христианского учения и народной культуры. Неслучайно также, что лексемы, служащие наименованием большинства из представленных в настоящем материале животных, с течением времени, помимо прямого значения, приобрели переносное (метафорическое) и символическое значения. Результаты проведенного лексико-стилистического анализа позволяют выделить два основных способа использования образов животных при создании комического эффекта в изучаемых произведениях немецких средневековых авторов. Лексемы, обозначающие животных, могут использоваться как компоненты стилистического приёма (сравнение, обыгрывание фразеологизма), который является дополнительным средством и усиливает комический эффект, созданный на уровне сюжета. В то же время лексемы, обозначающие животных, могут использоваться как компоненты композиционного приёма (драматическая ирония). В данном случае образ животного участвует в создании комического эффекта в рамках целого произведения.

Ключевые слова: комический эффект, смеховая литература Германии, образы животных

Для цитирования: Петрушков И. В. Роль образов животных в создании комического эффекта в смеховой литературе средневековой Германии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 180–186. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-180-186>, EDN: KFJHCS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Animal symbolism and its role in creating comic effect in the satires of medieval Germany

I. V. Petrushkov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Ilya V. Petrushkov, petrushkov.ilya@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8136-664X>

Abstract. This study aims to determine the role of animal symbolism in producing comic effect in the satires of medieval Germany. The following satires were taken for this study: “The ship of fools” (“Das narren schyff” 15th century) by Sebastian Brant, “A deceived husband” (“Der verkêrte wirt” 13th century) by Herrand von Wildonie and “Priest Amis” (“Der pfaffe Ameis” 13th century) by Der Stricker. The analysis allows to note that in these pieces the images of the animals are a significant element of the plot and composition structure. The medieval German authors most frequently use the images of the “hund” (dog), “esel” (donkey), “han” (rooster), “vishe” (fish) and “affe” (monkey). People of Middle Ages tended to assume that animals were inferior to people, could be thought to occasionally even have relationships with the Devil, therefore, animal symbolism in poetics helped to create allegory and picture people’s sins. Lexemes that denote animals in the analyzed satires contain a wide range of associations which reflects not only traditions of folk culture, but also those of church and religion. It is explained by the fact that the

worldview of a medieval person was based on the combination of Christianity and folk culture. It is no accident that the lexemes that name the majority of the animals represented in this study, acquired a figurative (metaphorical) and symbolic meanings on top of their literal meaning. The results of the lexical and stylistic analysis showed that there are two main ways of creating comic effect by using animal symbolism in the works of the medieval German authors. Lexemes that denote animals can be used as components of stylistic devices (comparison, playing upon a phraseological unit) which is a complementary tool and emphasizes the comic effect created on the level of the plot. At the same time, lexemes denoting animals can be used as components of composition (dramatic irony). In this instance the animal image takes part in creating the comic effect within the whole text.

Keywords: comic effect, humorous literature of Germany, animal images

For citation: Petrushkov I. V. Animal symbolism and its role in creating comic effect in the satires of medieval Germany. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 180–186 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-180-186>, EDN: KJHCS This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Комическое как одна из основных эстетических категорий представляет интерес для человека на протяжении всей его истории. Об этом свидетельствуют, в частности, труды античных философов, таких как Демокрит, Аристотель, Платон. В более поздние периоды данное явление изучали Ф. Бэкон, Т. Гоббс, И. Кант, Ф. Ницше, А. Шопенгауэр, З. Фрейд, А. Бергсон, В. Раскин, М. Бахтин, В. Пропп, Ю. Лотман, Б. Успенский и многие другие мыслители (см. об этом [1–3]).

Основные подходы к изучению комического можно представить в виде ряда оппозиций: генетика – культура, биология – психология, общество – индивид, субъект – объект. В XX–XXI вв. на первый план вышли междисциплинарные исследования. В центре внимания современных исследователей находятся как объективная, так и субъективная стороны, как общественная, так и индивидуальная составляющие, как физиологические, так и психологические характеристики, как универсальные, так и национальные черты комического (см. об этом [1–3]).

Неслучайно поэтому, что комическое всё чаще становится объектом исследования представителей лингвокультурологического направления, в работах которых первостепенное значение приобретают вопросы, связанные с влиянием особенностей культуры того или иного народа на восприятие и средства репрезентации комического.

Целью настоящей статьи является изучение роли образов животных в создании комического эффекта в смеховой литературе средневековой Германии.

Средневековому мировоззрению было свойственно придавать символическое значение реалиям материального мира, в том числе и животным, населяющим землю. Большой популярностью в Средние века пользовались, например, бестиарии, в которых не только содержались зоологические описания животных, но и подробно объяснялась их символика. При

этом символическое значение животного могло меняться в зависимости от контекста. Этим обусловлена исключительная многозначность, присущая бестиариям, в которых одно и то же животное может использоваться для аллегорического изображения как положительных, так и отрицательных проявлений человеческой природы [4, с. 20–21].

В качестве материала нашего исследования были использованы следующие произведения: «Корабль дураков» («Das narren schyff», XV в.) Себастиана Бранта, «Обманутый муж» («Der verkêrte wirt», XIII в.) Герранта фон Вильдони, «Поп Амис» («Der pfaffe Ameis», XIII в.) Штрикера. Стоит подчеркнуть, что указанные произведения принадлежат к разным этапам существования немецкой смеховой литературы, поэтому мировоззрения, отражённые в анализируемых произведениях, отличаются друг от друга. «Обманутый муж» Герранта фон Вильдони и «Поп Амис» Штрикера относятся к городской литературе позднего Средневековья. «Корабль дураков» Себастиана Бранта принадлежит эпохе становления немецкого гуманизма. Глубокие социально-политические и экономические изменения, произошедшие в обществе в XIII–XV вв., оказали, разумеется, влияние и на характер немецкой смеховой литературы и, в частности, на усиление в ней сатирического начала. Однако благодаря преемственности, свойственной литературному процессу в целом, анализируемые произведения обладают рядом общих черт, к числу которых относится широкое использование образов животных как средства создания комического эффекта.

В рамках статьи термин «образ животного» понимается широко – как совокупность культурных представлений, которые могут быть актуализированы в тексте не только когда животное является элементом сюжетной структуры, но и когда в тексте присутствует только название животного.

Образы животных, встречающиеся в исследуемых произведениях, обладают широким ассоциативным фоном, в котором находят отражение разные традиции народной и христианской культур, восходящие к разным эпохам. Неудивительно поэтому, что многие из этих образов носят амбивалентный характер. Например, такое животное, как собака, в западноевропейской культуре ассоциируется с преданностью, поскольку оно с давних пор является верным спутником человека и помощником на охоте и в хозяйстве. Наряду с этим собака имеет ряд негативных ассоциаций, часть из которых берут свои истоки ещё в античном мире. Среди басен Эзопа, к сюжетам которых часто обращались средневековые авторы, можно выделить «Собаку и её отражение», где образ собаки является аллегорией жадности. В немецком языке существуют фразеологизмы, пословицы и поговорки с зоонимом *der Hund* (собака), которые обладают отрицательными коннотациями: *auf den Hund bringen* (разрушить что-л., разорить кого-л.), *etw. ist unter allem Hund* (всё очень плохо), *Hunde, die viel bellen, beißen nicht* (Собаки, которые много лают, не кусаются)¹.

Немецкий зооним *hund* (собака) можно встретить в сатирической поэме Себастиана Бранта «Корабль дураков». В одной из глав поэмы говорится о людях, способных привести с собой в церковь животных, в частности собаку, нарушив таким образом церковный уклад. Животные создают много шума, который мешает людям молиться. Люди начинают гоняться за животными, забыв о молитве: «*Wer vogel / hund / jnn kyrchen fñrt / Vnd ander lñt / am betten jrrt*» («Кто птицу / собаку в церковь приведёт / И остальным людям / молиться помешает»)²) [5] (здесь и далее выделено нами. – И. П.).

В библейской традиции с собакой сравниваются грешники, которых Царь Соломон называет глупцами: «Как *nёс* возвращается на блевотину свою, так *глупый* повторяет глупость свою» (Притч. XXVI, 11). Апостол Пётр сравнивает с животными лжеучителей: «Они, как бессловесные *животные*, водимые природою, рождённые на уловление и истребление, зловлея то, чего не понимают, в растлении своём истребятся» (2 Пет. II, 12).

¹ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/wb/Hund#1> (дата обращения: 22.09.2024).

² Здесь и далее перевод автора статьи.

Комический эффект в поэме реализуется за счёт противопоставления таких лексем, как *betten* (молитвы), *syngen* (петь), которые обычно используются для обозначения звуков во время богослужения, и лексем *schrygen* (крики), *schellen* (шум), *eyn klappern* (стук), которые используются для обозначения звуков, издаваемых животными: «*Man darff nit fragen / wer die sygen / By den die hund jnn kylchen schrygen ... Vnd dñt syn schellen so erklyngen / Das man nit betten kan noch syngen / So muß man hüben dann die hætzen / Do ist eyn klappern vnd eyn schwætzen*» («Бессмысленно спрашивать / Кто от этого выиграет / Если собаки будут кричать в церкви ... / И будет раздаваться такой шум / Что невозможно будет петь молитвы / Придётся людям ловить животных / Будут слышны стуки и болтовня») [5].

Образ собаки является центральным компонентом сатиры, вокруг которого создаётся комический эффект. Объектом сатиры являются люди, которые бегают за животными, забывая о молитве.

Ещё одним образом животного, который часто встречается в немецкой смеховой культуре, является осёл. С древнейших времён осёл использовался как вьючное животное, помогая людям перевозить тяжёлый груз. Вместе с тем ослом традиционно называют глупого и неразумного человека. В немецком языке в семантической структуре существительного *der Esel* закрепилось переносное значение *Dummkopf* (дурак, глупец), которое в словаре приводится с пометой «бранное»³.

Осёл как символ одураченного человека используется в произведении Герранта фон Вильдони «Обманутый муж». Сюжет произведения заключается в том, что ночью мужу удаётся поймать любовника своей жены, но из-за темноты он не видит, кого он схватил. Жена просит мужа принести свечу. Пока муж ищет свечу, её любовник сбегает. Она хватается за уши осла и выдаёт его за пойманного негодяя. В данном случае в основе создания комического эффекта лежит такой приём, как драматическая ирония, поскольку читателю, в отличие от мужа, известно, что происходит на самом деле [6, с. 127].

Комический эффект ещё больше усиливается за счёт того, что обыгрывается значение фразеологизма *einen esel habt getân* (одурачить, выставить дураком), который встречается в речи

³ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/wb/Esel> (дата обращения: 22.09.2024).

обманутого мужа: «Als ir ûz dem man / einen esel habt getân» («И как вы из человека / сделали осла») [7, S. 206]. Сам муж использует слово *esel* (осёл) в его прямом значении, т.е. по отношению к животному, которое он видит перед собой. В результате фразеологизм контекстуально буквализируется. Вместе с тем здесь содержится намёк на мужа, которого одурачила жена, т.е. сделала из него осла.

Способность существительного *esel* передавать не только прямое, но и переносное значение используется в качестве средства создания комического эффекта и в романе Штрикера «Поп Амис», в одном из эпизодов которого Амис поспорил с епископом, что за тридцать лет он научит осла читать. Поп Амис требует привести ему этого осла: «Nu gebt mir einen esel her. / Den wil ich leren, sprach er» («Приведите мне осла / которого я обучу, сказал он») [8, S. 14].

Данное высказывание имеет иронический подтекст, так как в нем содержится скрытая насмешка над епископом, к которому относится слово *esel* в его переносном смысле. Важную роль в создании подтекста играет и глагол *lernen*, который в средневерхненемецком языке означает не только *передавать знания*, но и *поучать, делать выговор*.

В своей сатирической поэме «Корабль дураков» Себастиан Брант критикует тех священнослужителей, чей выбор профессии основывается не на желании служить Богу, а на желании разбогатеть. Автор высмеивает невежество молодых попов, которые знают о церковном укладе ровно столько, сколько осла об искусстве пения: «Des fyndt man yetz vil junger pfaffen ... / Wissen als vil von kyrchregyeren / alls müllers esel kan qwintyeren» («Можно встретить в наши дни много молодых попов ... / Которые знают о церковном управлении ровно столько же / Насколько осёл мельника может петь квинтами») [5].

В данном фрагменте используется сравнительный оборот *als ... alls* (столько, насколько), основными компонентами которого являются словосочетания *junger pfaffen* (молодые попы) и *müllers esel* (осёл мельника). Данные словосочетания вступают в отношения контраста, поскольку обозначают понятия, принадлежащие к разным сферам жизни, а именно: к церковно-религиозной, с одной стороны, и к бытовой, с другой.

Особое место среди значимых для немецкой культуры образов животных занимает образ

петуха. В христианстве петух символизирует солнце, свет, а также Иисуса Христа. Голос петуха пробуждает христианские души и защищает от нечисти, скрывающейся в ночной темноте [9, с. 211–212, 217–218, 220; 10, с. 132].

Стоит отметить, что одновременно с этим петух ассоциируется с сексуальностью и похотью [9, с. 226; 10, с. 132]. В немецком языке есть, например, фразеологизм *der Hahn im Korb* (петух в корзинке), который используется для обозначения мужчины, который не обделён женским вниманием и наслаждается этим [11, S. 91]. Подобного рода ассоциации, связанные с образом петуха, используются в произведении Штрикера «Поп Амис». Так, в одном из эпизодов романа поп Амис убеждает крестьянку в том, что он воскресил её петуха. Она верит в его святость и хочет подать ему милостыню. При этом прямо не говорится, каким образом крестьянка подаёт милостыню, но такие лексические единицы, как *han* (петух), *bejage* (добыча), *vor tage* (перед началом нового дня) указывают на сексуальный подтекст. Как только священник получает всё, что ему нужно, милостыня крестьянки становится добычей, с которой поп отправляется в путь перед началом нового дня, т.е. на рассвете после проведённой ночи в доме крестьянки.

Между образом священника и образом петуха как символом сексуальной энергии проводится параллель. Благодаря этой параллели лексические единицы *geben* (подавать), *oppher* (милостыня, жертва), *daz ewige leben* (вечная жизнь), которые обычно используются для описания религиозного ритуала, приобретают двусмысленный характер: «do sprach er: Liben swester min, / du hast ein oppher, daz gib mir ... / Ez ist din han, der dort stat» («И сказал он: Дорогая сестра моя / У тебя есть милостыня, которую ты должна мне подать ... / Это твой петух, который там сидит») [8, S. 56]; «in pat daz wip untz an die stunde, / daz er vil wol gunde, / swaz si dem herren wolden geben / umb daz ewige leben. / Mit dem selben bejage / hup er sich danne vor tage» («Его [мужа] упрашивала жена долго, / чтобы он дал согласие на то, / что хочет она Господу подать / для обретения вечной жизни») [8, S. 60].

Таким образом, лексические единицы, которые тематически относятся к церковно-религиозной сфере, приобретают контекстуальные значения и служат средством для выражения авторской иронии.

В смысловой структуре одного из эпизодов романа «Поп Амис» важную роль играет зооним *vishe* (рыбы). Рыба является одним из древнейших христианских символов. Рыба может символизировать как христиан, так и самого Иисуса Христа [12, с. 229; 13, с. 480–481]. Д. Разаускас отмечает двустороннюю природу символики рыбы в христианстве, которая может обозначать как Иисуса Христа, так и сатану [14, с. 431].

В рассматриваемом произведении есть эпизод, как попу Амису удалось хитростью заставить крестьянина и его жену дать ему денег. Он покупает живую рыбу и выпускает её в колодец, который находится недалеко от дома крестьянина. После этого Амис просит хозяев дома накормить его рыбой и уверяет, что им не нужно далеко ходить, поскольку их колодец полон свежей и вкусной рыбы. Крестьяне не догадываются об уловке священника. Они считают его святым и используют по отношению к нему такие лексемы, как *gotes bot* (посланник Божий) и *heilig* (святой): «er wer ein rehter gotes bot / und ein heiliger man» («он самый настоящий посланник Божий / и святой человек») [8, S. 66].

Лексема *vishe* в анализируемом произведении используется в своём общеупотребительном значении, в этом случае в её окружении встречаются такие лексические единицы, как *enpizen* (есть), *den tisch rihten* (накрыть на стол), *imbiz* (приём пищи, трапеза) и *gut* (вкусный). В данном случае актуализируется такой компонент значения лексемы, как *животное, которое пригодно для пищи*: «Do man enpizen wolde / und den tisch rihten solde, / do sprach der pfaffe Ameis: / Ir sult den ewigen preis / mit disem imbiz bejagen» («Когда захочется есть / Надо накрывать на стол, / и сказал поп Амис: / Вы получите вечное спасение благодаря этой трапезе») [8, S. 64]; «Si lebten schone unde wol. / Si waren groz unde gut» («Она [рыба] была полна жизни. / Она была большая и вкусная») [8, S. 66].

Символическое значение лексемы актуализируется за счёт использования в её ближайшем окружении слов, которые имеют отношение к церковно-религиозной культуре: *preis* (спасение души), *minne* (любовь в христианском смысле), *seggen* (благословение) и *pfaffe* (поп): «do sprach der pfaffe Ameis: / Ir sult den ewigen preis / mit disem imbiz bejagen» («и сказал поп Амис: / Вы получите вечное спасение благодаря этой трапезе»); «Ir sult mir in der minne geben» («Из любви

к ближнему вы должны [накрыть на стол]»); «einen seggen er dar uber sprach» («Произнёс он слова благословения») [8, S. 64–66].

Таким образом, в рамках данного произведения поочерёдно актуализируются как общеупотребительное, так и символическое значения лексемы *vishe*, вследствие чего комический эффект, в основе которого лежит драматическая ирония, создаётся вокруг образа рыбы.

Для немецкой культуры важным является также образ обезьяны. В Средневековье люди воспринимали обезьяну как воплощение всего самого подлого, отталкивающего и дьявольского. Своим внешним видом и своими повадками обезьяна напоминает человека, она имитирует человеческое поведение. Латинское слово «simius» или «simia» (обезьяна) в Античности обладало не только прямым, но и переносным значением. На это указывает, например, прозвище Марка Фавония, римского политика и подражателя Марка Катона, «Simius Catonis» (обезьяна катонина) [15, с. 159, 191, 666]. С помощью латинского выражения «ars – simia naturae» (искусство – обезьяна природы) средневековые авторы обозначали «поддельность», «неистинность» произведений искусства [16, с. 127]. Способность обезьяны подражать поведению человека использовали в своих выступлениях средневековые бродячие музыканты и артисты. В крупных городах существовали даже специальные площадки для выступлений с обезьянами. В средневековой культуре обезьяна также ассоциировалась с глупостью [17, р. 86–88].

В указанном выше романе Штрикера содержится эпизод, в котором находчивый поп Амис одурачил торговца драгоценными камнями. Амис приводит торговца к врачу и убеждает того, что торговец – это его отец, который сошёл с ума. Торговец пытается доказать, что он не сумасшедший, но врач ему не верит.

Автор сравнивает торговца с обезьяной: «Sust shuf er, daz ein affe / uz einem manne wart / und gie mit im an die vart / und lie die steine hin tragen» («Он сделал так, что обезьяна / из человека получилась / и пошёл с ним на корабль / куда отнесли драгоценные камни») [8, S. 112]. Как обезьяна внешне напоминает человека, так и для персонажей произведения торговец только внешне остаётся человеком, вызывая смех у читателя.

Таким образом, актуализация компонентов ассоциативного фона лексемы *affe* усиливают комический эффект, созданный с помощью драматической иронии.

Образ обезьяны как символ глупости или безделья широко используется в «Корабле дураков» Себастиана Бранта. В произведении рассказывается о том, кто и как становится священнослужителем, и что интересы будущих священников лежат не в сфере духовного. Автор сравнивает неопытных попов с обезьянами: «Des fyndt man yetz vil *junger pfaffen* / die als vil können als *die affen*» («Можно встретить в наши дни много молодых попов / которые знают столько же, сколько и обезьяны») [5].

Источником данного сравнения является народная традиция. Совместное использование лексем *affe* и *pfaffe* встречается в немецких пословицах и поговорках, в которых существительное *affe* употребляется в переносном значении (дурак): *Affen und Pfaffen sind frei von Strafen* (Дураки и попы свободны от наказаний), *Alte Affen, junge Pfaffen, wilde Bären, soll niemand in sein Haus begehren* (Старых дураков, молодых попов, диких медведей не стоит звать к себе в дом). [18, S. 35; 19]. Широкому распространению данного сравнения способствовал, как можно предположить, тот факт, что в немецком языке лексемы *pfaffe* и *affe* рифмуются.

Комический эффект создаётся за счёт переноса сакрального в бытовой план, что подкрепляется широкой узнаваемостью данного сравнения для представителей средневекового общества Германии.

В основе сюжета в «Корабле дураков» лежит рассказ о группе людей, плывущих в страну Наррагонию, название которой образовано от немецкого слова *Narr* (дурак). На своём пути они хотят попасть во множество других стран. Одной из таких стран является страна *Schluraffen landt*: «wir faren vmb durch alle landt / Von Narbon jnn *Schluraffen landt*» («Мы плывём через все земли / От города Нарбонн до страны Шлараффия») [5].

Schluraffen landt (Шлараффия) – это страна с молочными реками и кисельными берегами, где ничего не нужно делать. В современном немецком языке есть слово *Schlaraffe*, которое происходит от средневерхненемецкого *sluraffe* (праздношатающийся бездельник), образованного путем объединения двух полных слов *slur* (бродяжничать, лентяйничать) и *affe* (обезьяна). Название страны *Schluraffen landt* указывает на желание путешественников попасть в страну ленивых обезьян, надеясь на то, что там наконец им не придётся трудиться [20].

Таким образом, с помощью названия страны, в котором одним из компонентов является лексема *affe*, высмеиваются глупость и безделье человека.

Результаты проведённого анализа показывают, что образы животных, такие как собака, осёл, петух, рыба и обезьяна, играют важную роль в создании комического эффекта в исследуемых произведениях немецкой смеховой литературы XIII и XV вв.

Указанные образы обладают широким ассоциативным фоном, сформированным традициями народной и церковно-религиозной культур. Благодаря этому в рамках изучаемых произведений актуализируются знания, значимые для представителей немецкой лингвокультуры.

В ходе исследования были выделены два способа использования образов животных при создании комического эффекта в анализируемых произведениях.

Лексемы, обозначающие животных, могут использоваться как компоненты стилистического приёма, например при обыгрывании фразеологизма или в составе сравнительного оборота. В таком случае роль образов животных как средств создания комического эффекта реализуется не на уровне целого произведения, а на уровне фрагмента произведения. В результате усиливается комический эффект, созданный с помощью композиционного приёма, например драматической иронии.

В то же время лексемы, обозначающие животных, могут использоваться и как компоненты композиционного приёма. В данном случае создаётся широкий контекст, который содержит в себе больший объём культурных ассоциаций. Это происходит благодаря тому, что лексема, являющаяся наименованием животного, может употребляться более одного раза в рамках целого произведения. В связи с этим её лексическое окружение может варьироваться, в результате чего актуализируются как прямое, так и переносное или символическое значения лексем. Как следствие, сам образ животного участвует в создании композиционного приёма.

Стоит отметить, что один и тот же образ животного может использоваться и как компонент стилистического приёма, и как компонент композиционного приёма в рамках одного произведения (образ осла в произведении «Обманутый муж»).

В исследуемых произведениях преобладают примеры с использованием образов животных (собака, осёл, петух, рыба) в качестве компонентов композиционного приёма.

Таким образом, благодаря своим свойствам образы животных могут использоваться не только как вспомогательные, но и как самостоятельные средства создания комического эффекта в художественном тексте.

Список литературы

1. Немкова А. Р. Проблемы исследования комического в лингвистике // Идеи. Поиски. Решения : сб. ст. и тезисов XIII Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов (Минск, 22 ноября 2019 г.) : в 7 т. Т. 2. Минск : БГУ, 2020. С. 141–146.
2. Бутовская М. Л., Козинцев А. Г. О происхождении юмора // Этнографическое обозрение. № 1. М. : ИЭА РАН, 1996. С. 49–53. EDN: RYESKB
3. Козинцев А. Г. Разнонаправленное двуголосое слово: эстетика и семиотика юмора // Антропологический форум. 2013. № 18. С. 143–162. EDN: RDTBIV
4. Махов А. Е. Бестиарий как подсистема средневековой семиотики // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2017. № 9 (30). С. 20–36. EDN: YOOKID
5. Brant S. Das Narrenschiff. Tübingen : M. Lemmer, 1962. URL: https://www.hs-augsburg.de/~harsch/germanica/Chronologie/15Jh/Brant/bra_n000.html (дата обращения: 19.06.2023).
6. Пави П. Словарь театра : пер. с фр. М. : Прогресс, 1991. 504 с.
7. Pfeiffer F. Deutsche Classiker des Mittelalters. Leipzig : F. A. Brockhaus Verlag, 1872. 358 S.
8. *Der Striker*. Der Pfaffe Amis. Stuttgart : Reclam, 2013. 206 S.
9. Шарбонно-Лассе Л. Бестиарий Христа. Энциклопедия мистических существ и животных в христианстве. Т. 2. Ч. 9–17. М. : ТВ Велигор, 2018. 640 с.
10. Киндря Н. А. Названия животных в индоевропейских языках: Лингвоонтология. М. : Ленанд, 2015. 200 с. EDN: VGUKMZ
11. Kremer B. P., Richarz K. Ins Bockshorn gejagt. Tierische Sprichwörter und blumige Redewendungen. Darmstadt : THEISS, 2015. 159 S.
12. Бидерманн Г. Энциклопедия символов : пер. с нем. / общ. ред. и предисл. И. С. Свеницкой. М. : Республика, 1996. 335 с.
13. Энциклопедия символов / сост. В. М. Рошаль. М. : АСТ ; СПб. : Сова, 2008. 1007 с.
14. Разаускас Д. Символика рыбы в связи с верхним миром : небесные светила и атмосферные явления // Балто-славянские исследования XIX : сб. науч. тр. М. ; СПб. : Нестор-История, 2014. С. 431–461.
15. Полный русско-латинский словарь / сост. А. И. Орловымъ. М. : Братья Салаевы, 1876. 684 с.
16. Кочеткова Е. С. Новые концепции подражания природе и их воплощение в ландшафтном искусстве Италии XVI в. // Опыт естествознания и эволюция жанровых форм в истории искусства. М. : РГГУ, 2017. С. 124–140. EDN: YOIFQB
17. Pastoureau M. Bestiaires du Moyen Âge. Paris : Le Seuil, 2011. 238 p.
18. Graf A. E. 6000 deutsche und russische Sprichwörter. Leipzig : Veb Max Niemeyer Verlag, 1956. 297 S.
19. Wander K. F. W. Deutsches Sprichwörter-Lexikon. URL: <http://www.zeno.org/Wander-1867/A/Affe> (дата обращения: 15.04.2023).
20. Силантьева О. Ю. Легенда о стране Шлараффии в немецкой литературе. М : МСНК-пресс, 2006. 76 с.

Поступила в редакцию 11.08.2024; одобрена после рецензирования 18.11.2024;
принята к публикации 10.02.2025; опубликована онлайн 30.05.2025
The article was submitted 11.08.2024; approved after reviewing 18.11.2024;
accepted for publication 10.02.2025; published online 30.05.2025